

Мост

- Съешь меня, - произнёс Аркайчик, кое-как шевеля замёрзшими губами. - Съешь меня, сынок.

Слабое облачко пара, сорвавшееся с его посиневших губ, растаяло в морозном воздухе частицей исходящей из тела жизни.

Черноглазый взгляд мальчика отстранённо пробежал по лицу старика, вернулся к вершине Каратрога.

- Всё равно ороты съедят, - продолжал Аркайчик затухающим от слабости голосом. - И тебя и меня съедят, Мельким. Тогда у них сил станет больше. Придут в когол [поселение]. Нельзя им дать силы.

Мальчик кивнул безучастно, не сводя взгляда с белой шапки снегов на пике.

- Я сейчас усну, - продолжал старик тяжело, с одышкой. - Ты тогда ударь меня. Ножом. Вот сюда. Я умру. Кровь пей. Она тёплая, сытная. Быстро жизнь наберёшь.

Мальчик кое-как, с передышками, подгрёб к старику несколько кучек проснеженного сена. Согреть измождённое тело старика оно уже не могло, но мальчику так было спокойней.

- Спи, - сказал он.

- Ага, - радостно кивнул старик. И показал пожелтелым пальцем с изломанным чёрным ногтем себе на шею под челюстью. - Вот сюда ударишь. Не сильно. Сильно не бей. А то кровь быстро уйдёт.

- Спи, - повторил Мельким.

- Про духов не забудь, - бормотал старик, закрывая глаза. - Духам печень отдай. Печень плохая у меня, старая, не ешь её.

- Не буду.

- Смотри. Голову тоже не трогай. Голову орлам оставь. А сердце съешь первым. Так хочу.

- Да.

- Сердце... Пусть будет... твоим, - губы Аркайчика сомкнулись в усталую безжизненную складку на обтянутом кожей черепе; лицо его и лицом-то уже назвать было нельзя — иссохшая маска идола. Слабость и сон одолевали, тянули в омут забвения. - Сердце у меня... воин был... духов не забудь... Пока не замёрзло мясо...

- Спи, старый.

Аркайчик замолчал, засопел слабо, почти неслышно. Грудь, укрытая лежалым сеном, будто и не поднималась — не понять было, уснул старик или ушёл в снежную вечность.

Мельким зашевелился, заскрёб снег, поднимаясь. Встав на колени, подтянулся, выглянул поверх оледенелого бугра по краю ямы, в которой они со стариком залегли.

На той стороне пропасти не видно было дыма костра. Вот уже третий день не видно дыма. Похоже, и оротам нынче не легко — кончилось у них топливо. Сожгли всё, что можно было сжечь. Съели всё, что можно было съесть. И замерзают теперь. У них ведь и сена может не быть. Хотя, от сена проку мало, если изнутри ничего не греет.

Поначалу каждую ночь пытались ороты перебраться на эту сторону по висячему мосту. Выбирали время, чтобы застать врасплох — то ближе к утру, то в самую темень. Да всё зря: старик и мальчик были настороже; вдвоём не спали — только по очереди. Многих перебили.

Туго сейчас оротам. Как лавина сошла, так остался у них один путь — на эту сторону, по висячему мосту, на котором только-только двое смогут разойтись. Ни помощи ждать им неоткуда, ни отступить некуда. И обоз, видать, уже пуст — всё сожрали, что можно было.

Сначала, покуда были у оротов ядра для пушки, Аркайчику с Мельким приходилось несладко. Старику, вон, ступню оторвало. А ороты веселились — палили из пушечки, кричали что-то по-своему, дразнились. Понимали, что мортиру им всё равно по мостку не протащить, а тут — такая потеха. Только веселье-то у них быстро кончилось. Вместе с ядрами и кончилось. Как уяснили, что в два ружья их всех можно на этом мосту положить, так и кончилось у них веселье.

Было их человек с полсотни поначалу. Теперь остался десяток от силы. Не меньше *шима* [двадцать человек] застрелили Мельким с Аркайчиком. Сколько-нибудь наверняка лавина забрала. Белая смерть тоже, поди, заглядывала к ним в лагерь.

Да, не больше десятка сейчас оротов. Замёрзшие, голодные, ослабевшие.

Но какие бы ни были, а благо, что не знают они, сколько зарядов осталось у их противников по эту сторону. Знали бы, так озверели бы, заорали бы истошно и радостно, полезли бы на мост. Отгремели бы последние два выстрела из Аркайчикова ружья, пыхнуло бы ружьецо Мелькима, и — всё. Маленький полудетский лук с четырьмя стрелами — это же так только, видимость одна, а не оружие.

Старик застонал во сне. Жив, значит. Нога, наверное, ноет. Лишь бы не загнила нога, а то чёрная кровь его в два дня удушит. И останется тогда Мельким один здесь, посреди белой немоты Поющих гор. С десятью голодными оротами по ту сторону моста. С тремя зарядами.

Голод резким спазмом сдавил пустой желудок, скрутил его жгутом, как Оталька скручивает стираную рубаху, отжимая.

Оталька сейчас сидит в тёплом хатуте, ест жирную баранину, а на низкой скамеечке, рядом, парит горячий травник. Горит, потрескивая и источая вкусный запах, жирник. Где-то, в дальнем круге, играют на сургане, и исполненный вечной печали напев уносится по склонам к вершине Пахрога, туда, где спят в своих ледяных хатутах духи гор.

Помнит ли она о Мелькиме? Ещё пол-луны назад они с Аркайчиком должны были вернуться в посёлок. Не вернулись. Такое нередко бывало. Духи с удовольствием забирают свою долю горских жизней: зазевался, оступился на узкой обледенелой тропе, испугался пения гор или рокота ветров, тени за скалой — поминай как звали. А они оба — одиночки, не охотники, не воины; старик да мальчишка, перегонщики скота. Мало ли таких было и будет ещё. Уже и пасток — поминальную жертву — принесли по ним, наверное. И забыли.

Оротов они увидели незадолго до ночёвки. Те шли споро, торопились успеть к перевалу Умукто до пурги, которая уже собиралась на вершинах и вот-вот должна была спуститься вниз, к тропе. С полсотни человек, одна повозка в обозе, небольшая мортира. Повозку сами же солдаты и волокли — лошадь то ли пала где, то ли ещё что. Куда и зачем они шли, неизвестно. Но куда бы они ни шли, не было у них другого пути, кроме как через поселение Ракулён. А там сейчас оставались одни старики да женщины с детьми. Мужчины в сезон охоты в коголе не сидят. А ороты — неужели они придут, вежливо попросят обогреть их на ночь и продать немного провизии? Да никогда! Останутся после них лишь чёрные круги земли от сгоревших хатутов, пятна крови да предсмертные крики, которые долго ещё будут блуждать эхом среди вершин. Не впервой. Не один когол выжгли и вырезали.

Как ни торопились старик и мальчик, но шли они медленнее солдат. К ночи миновали подвесной мост и обессиленные засели в загоне для скота, зарылись в солому. И слышали, как вскоре подошли ороты, встали лагерем на той стороне пропасти, за выступом скалы. Тогда, в темноте, натаскали они соломы в яму, в сорока шагах от моста, перебрались в неё, засели, ожидая рассвета.

Спозаранку ороты поднялись, загомонили, залаяли на своём визгливом и гнусавом языке, засуетились. Когда первые четверо ступили на мост, Аркайчик выстрелил. Бросил ружьё Мелькиму, на зарядку. Пыхнул из второго ружья. Оба выстрела были хороши — два человека повалились, один из них ухнул с мостика в пропасть. А вот стрела, пущенная Мелькимом из лука, цели не достигла.

Ороты опешили, замялись, закричали, не разглядев противника. Аркайчик дал ещё два выстрела — убил одного солдата и ранил другого. Тогда испуганные вояки в панике бросились от моста вспять, повалились на снег, залегли, принялись беспорядочно стрелять.

А потом ухнула мортира.

И следом пошла лавина...

И вот уже две лунных четверти сидят Мельким с Аркайчиком в сенной яме, держат оротов за мостом. Последняя лепёшка и пластик вяленого мяса съедены ещё одиннадцать дней назад. У Аркайчика оторвана ядром ступня; обессиленный старик

теперь заряжающим.

Но сегодня, кажется, было их последнее солнце. Если этой ночью, которая уже на подходе, ороты решатся ещё раз попробовать перейти мост, Мельким не сможет их удержать. Коли помогут духи гор, убьёт он ещё троих. Потом одного, может быть, убьёт из лука, когда подойдут ближе. А потом... А потом он бросится к ним с ножом... Бросится?.. Поползёт!

И они убьют его.

Почувствует ли Оталькино сердце, что он умер? Сожмётся ли вдруг, заболит ли, заставив бросить замешанное тесто, сесть на скамью и заплакать ни с того ни с сего? Ведь наверняка она знает сейчас сердцем, что Мельким жив. И ждёт его.

Снова застонал во сне Аркайчик, дёрнул рукой. Воюет старик, бьёт прущих через мост врагов.

А может быть, не ждать? С наступлением темноты переползти мост, прокрасться в лагерь оротов и вырезать их? Сколько удастся. Оставшиеся если и придут в когол, так будет их уже мало. Быть может, справятся с ними старики.

Мельким кивнул своим мыслям, посмотрел на лежащего Аркайчика. Без всякой надежды подгрёб к нему ещё соломы, прижался щекой к заросшей щеке, послушал дыхание. Вроде, дышит...

Ружьё с собой брать не имело смысла: лишняя тяжесть, а после первого же выстрела поднимется весь остаток оротского лагеря. Нет, действовать нужно будет тихо, и лучший помощник здесь — конечно нож.

Нож у Мелькима был хороший, мальчик им гордился и налюбоваться на него не мог. Боевой нож с удобной гнутой рукоятью, с упором, с отточенным клинком синеватой стали, по которому расплзлись изморозью закорючки-буквы иноземной непонятной вязи. Это Атульчик проиграл ему ножичек, год назад. Пьян был тогда Атульчик после двух ковшей турки [водки] и в пьяном кураже принялся тягаться с Мелькимом в стрельбе из лука. Проиграл конечно...

Как ни был сейчас ослаблен Мельким, но перерезать этим ножом горло — не задача.

Он прислушался к лагерю оротов. Не слышать было ничего. Может, и не полезут они сегодня на мост?

Впрочем, надежд на то, что они вдруг откажутся от своих планов, не было. Им просто деваться некуда. Или умереть тут голодной и холодной смертью, или пройти мост и двинуться дальше, в надежде наткнуться на какой-нибудь когол, который окажется по зубам десятку измождённых людей. И конечно же они знают, что противников всего двое. И это их особенно бесит. Но сделать они ничего не могут.

Не могли. Пока не кончились у старика и мальчика заряды...

Ещё засветло, незадолго до сумерек, Аркайчик тихо, не просыпаясь, умер.

С наступлением темноты, выждав ещё некоторое время, чтобы ороты имели возможность заснуть, Мельким погладил старика по холодному лбу и выбрался из ямы.

К тому времени как он дополз до моста, сердце его уже бешено колотилось, а перед глазами плыли радужные круги. Истощённый организм яростно протестовал против каждого движения. Руки и ноги околели, пальцы, казалось, смёрзлись между собой.

Кое-как, почти теряя сознание и поминутно ожидая выстрела, преодолел качающийся мост.

Вдруг пошёл, просыпался с неба, мелкий крупенистый снег. Поднялся ветерок — несильный, но ледяно-обжигающий. Снежная крупа покалывала лицо, норовила попасть в глаза. Видимость сильно уменьшилась. И хорошо и плохо. Тебя не сразу разглядят, но и ты можешь кого-то не увидеть.

В караульной яме, в десяти шагах от моста, сидел человек в изношенной и грязной солдатской форме, в прожжённой шинели. Совсем ещё молодой, бледный, замёрзший так, что сознание его, наверное, сузилось в точку. Какой уж тут караул — собственную жизнь не прокараулить бы!..

Когда голова Мелькима свесилась над краем ямы, когда он заскрёб руками,

переваливаясь внутрь, а из-под пальцев его посыпалась вниз мёрзлая земля, солдат поднял голову. Потухшие глаза его враз расширились, наполнились сознанием и ужасом.

- Гоблин! - закричал он.

Вернее, ему, наверное, казалось, что он закричал. А на самом деле его простуженное сипение вряд ли было слышно дальше, чем в трёх шагах. Уродливое — такое белокожее и тонкое, голубоглазое — лицо со слишком длинным носом, с полоской пшеничного цвета усов над верхней губой, перекошилось от страха. Посиневшие губы тряслись от холода и ужаса.

Мельким скатился к нему в яму. Сил, чтобы сразу броситься на врага, уже не было, поэтому мальчик замер, прижимаясь спиной к мёрзлой земле, тяжело дыша, выставив нож вперёд. Солдат сидел напротив, сжимая в руках ружьё с примкнутым штыком, и во все глаза глядел то на темнокожее, волосатое, плосконосое лицо невесты откуда взявшегося гоблина, в его красновато-зелёные глаза, то на синеватый клинок в лохматой руке. Был он молод — юнец ещё совсем, года на три-четыре старше Мелькима. Был он слаб и напуган до полной потери ориентации. Зубы его стучали от холода и волнения.

- Гоблин! - прошептал он ещё раз. И потом, вспомнив: - Тревога!

Но никто не мог услышать и не услышал его «крика».

- Ат кокор, тувлюк! - прошептал ему Мельким, накапливая силы для броска. - Молчи, баран!

Солдатик наконец сообразил — дёрнул ружьё, поворачивая его к Мелькиму штыком. Потянул собачку, но замёрзший палец соскальзывал и был слишком слаб, чтобы взвести застывший курок. Мельким перехватил рукой обжигающий холодом ствол, отвёл в сторону. Потом оттолкнулся спиной от земляной стены и повалился вперёд, на противника, целя ножом в горло. Солдат подался назад, отстраняясь, отворачиваясь, испуганно косясь на смертоносное синеватое жало-остриё.

Удар пришёлся в шею, низко, у самого воротника шинели. Отворилась кровь. Солдат застонал, повалился на бок, бросая ружьё и зажимая рану. Тогда Мельким ударил его ножом, не примеряясь, куда-то в бок.

Потом с трудом разжал руки обмершего юнца и припал губами к ране на шее, потянул в рот, всасывая, тёплую, какую-то маслянистую, кровь. Она была солёно-сладкой и остро пахла жизнью.

Сделал глоток. Потянул ещё.

И тут же отвалился от человека, упал на колени, сгибаясь в три погибели, исходя бесплодными рвотными спазмами. Солдат задрыгал ногами, вжимаясь в земляную стену, одной рукой закрывая рану, другой хватаясь за брошенное ружьё, постанывая от боли в боку. Удар Мелькима вышел слабым, но шинель и гимнастёрку таки пробил. Острый кончик вошёл между рёбер, но дальше уже не продвинулся. Однако боль казалась сейчас солдатику невыносимой. На глазах его выступили слёзы.

Мельким обессиленно повалился рядом с ним, всем телом падая на ружьё, прижимая его к земле.

Оба замерли, не в силах сделать больше ни движения, только глядя друг другу в глаза, дрожа от холода.

- Уйди, а? - неуверенно произнёс солдат через несколько минут.

Мельким разумеется ничего не понял.

- Иш терек! - прошипел он. - Не разговаривай!

- Я не буду стрелять, - продолжал солдат. - Уйди только.

- Ат кокор, ак мадал, перекке, - ответил Мельким, поднося к лицу солдата лезвие ножа. - Молчи, а то убью сейчас же.

Солдат испуганно покосился на подрагивающее в обессиленной руке остриё, закрыл глаза.

Мелькима мутило от вкуса крови во рту; желудок, вывернутый наизнанку бессильной рвотой, сжался в кулачок и подрагивал. В ослабевшее сознание из застилающего его бредового тумана проникали смутные страшные образы — духи гор, наверное, шутили свои невесёлые шутки.

Через несколько минут они оба, человек и гоблин, спали беспробудным сном.

Проснувшись, Мельким прямо возле своего лица увидел длинный бледный нос солдата. Во сне они, наверное, инстинктивно потянулись друг к другу, прижались, пытаясь хоть как-то согреться. Ныло лежащее на ружейном стволе плечо.

Занимался рассвет. Начавшийся ночью снег покрывал их тела слоем в палец толщиной. Потеплело. Вот-вот над вершиной Каратрога поднимется солнце.

Мельким прислушался к дыханию солдата — дышит ли. Солдат дышал. Жив. Рана на шее покрылась коркой запёкшейся крови.

Надо было подниматься и убивать его. Потом выбираться из ямы и идти резать всех живых, сколько успеешь и сможешь. Убьют самого, конечно. Но другого исхода позор Мелькима и не достоин — проспал, предался слабости, не сделал того, что должен был сделать. Теперь враги, сколько бы их ни было, пройдут мост, двинутся к коголу.

- Мама... - услышал он возле самого уха слабый голос солдата.

Мама... У Мелькима мамы не было. Была, конечно, но он её не помнил. Её убили ороты. Такие же, как вот этот бледнолицый худой юнец.

Странно, эти монстры зовут маму точно так же, как и они, настоящие еннек [самоназвание гоблинов; здесь - люди]. Или, может, это слово значит в их гнусавом языке что-нибудь другое? Но что другое может означать «мама»?

Солдат открыл глаза.

- Най су терте? - спросил Мельким. - Э терте мама? [Кого ты звал? Маму?]

- А? - солдат не отстранился, не отодвинулся, позволив себе ещё несколько мгновений благословенного тепла рядом с чужим телом, под слоем снега.

- Мама, - произнёс он. - Мне снилась мама.

И улыбнулся слабо. И тут же заплакал беззвучно — только слёзы покатались из глаз.

Мельким зашевелился, разрушая тепловую оболочку. Мороз, хоть уже и ослабевший, сразу ринулся под куртку, вцепился колючими зубами в измождённое тело. Густая шерсть, покрывавшая его, не спасала — если желудок пуст, какое может быть тепло.

Он нашарил нож. Кое-как встал на колени. Поднялся.

Солдат продолжал безучастно лежать, глядя в одну точку. Кажется, он окончательно смирился с тем, что жизнь кончилась.

Не с первой попытки получилось у Мелькима вылезти из караульной ямы. На негнущихся и дрожащих от слабости ногах, он пошёл за выступ скалы, туда где расположился лагерь оротов, где ждала его верная смерть...

Но смерть уже ушла из лагеря. Сделала своё дело и ушла. И только безжизненные, давно окостеневшие, тела лежали вокруг. Умерли все. Кто завернувшись в дерюгу. Кто в попытке отломить замёрзший палец у трупа, чтобы утолить голод. Кто зарывшись в снег. Последний из них отошёл, кажется, не далее как нынешней ночью. А этот юнец, в яме, сидел в карауле, и ждал смены. День сидел? Абы не два. Вот духи его и не заметили. Собака-смерть обошла стороной...

Мельким долго обыскивал стоянку в попытке найти хоть что-нибудь съестное. Не было ничего. Зато были ружья и много зарядов. Ружья у оротов новее, легче, и точнее бьют. Если удастся Мелькиму дойти до реки, куда спускаются на водопой козлы и яки, то, быть может, ещё вернётся он в родной когол.

Выбрав себе ружьё полегче — офицерское — мальчик двинулся обратно к мосту.

Надо бы ещё старика Аркайчика похоронить. Но сил на это нет.

Прости уж, Аркайчик, я тебя снегом пока присыплю. Я вернусь за тобой потом, обещаю.

Уже дойдя до моста, остановился. Постояв, пошатываясь на дрожащих ногах, обернулся. Пораздумал с минуту и пошёл обратно.

- Орот! - позвал он, встав у края ямы, в которой всё лежал в той же позе солдат.

- Хау, су ёл? [Эй, ты живой?]

Солдатик открыл глаза. Перевёл отсутствующий тусклый взгляд на голос.

Мельким махнул ему: давай, вставай, выбирайся оттуда.

Лежащий закрыл глаза.

Смирился, видать, уже со смертью. Не хочет шевелиться. Устал бороться. Если сейчас уснёт — всё.

Бросив ружьё, Мельким сполз в яму. Ударил лежащего по лицу, принялся расталкивать. Ослабев от сделанных усилий, не удержался — повалился сверху.

Полежал в безнадёжной попытке набраться сил. Да откуда же их наберёшься, если нет их.

Снова поднялся. Схватил бедолагу за руки, потянул, заставляя сесть.

- Что? - непонимающе промямлил солдат.

- Мама! - закричал ему в ухо Мельким, сам чуть не плача от злости и бессилия. - Мама верен сух! Ат хор! [Тебя мама ждёт! Вставай!]

Солдатик замотал головой, заглянул туманным взглядом в глаза гоблина.

- Мама, - прошептал он.

Потом перевёл взгляд на белую вершину Каратрога, моргнул, не выпуская из глаз слёзы. И, глубоко вдохнув, принялся подниматься.